

Сказка загружена с сайта allskazki.ru для ознакомительных целей

Фантазмагории в бременском винном погребке. Осенний подарок друзьям вина, стр. 3

воедино мед из всевозможных цветов, какой же это слабый, какой обычный запах, недостойный нежного благоухания вашего кубка, уроженцы Бингена и Лаубенгейма, недостойный вашего благоухания, уроженцы Ниренштейна 1718 года.

– Вы качаете головой, отец? Осуждаете, что меня так радует встреча с вашими старыми знакомыми? Вот, друг, возьми бокал, выпей за процветание двенадцати! Давай чокнемся за их здоровье!

– Боже упаси, чтобы я в сегодняшнюю ночь хоть каплю выпил, – ответил он, – с нечистым шутки плохи. Перепробуйте все штофики, и пойдемте дальше. Меня в этом подвале жуть берет!

– Что же, тогда спокойной ночи, старожилы с берегов Рейна, и сердечное спасибо за услугу! И знайте, я рад услужить вам – и тебе, мой крепкий, пламенный Иуда, и тебе, мой нежный ласковый Андрей, и тебе, мой Иоанн, придите ко мне, я жду вас, жду!

– Царю небесный! – прервал меня старик, он захлопнул дверь и поспешил повернуть ключ в замке. – Видно, вы опьянели от нескольких глотков вина, раз призываете нечистого! Разве не знаете, что сегодняшней ночью, как всегда в ночь на первое сентября, встают духи вина и ходят друг к другу в гости? Пусть мне откажут от места, но, если вы опять поведете такие речи, я убегу. Еще не пробило двенадцати, но ведь в любую минуту из бочки может вылезти винный дух с богомерзкой рожей и до смерти напугать нас!

– Отец, ты бредишь! Но успокойся, я не пророню больше ни слова, чтобы не пробудить твоих винных привидений. А теперь отведи меня к Розе.

Мы продолжали наш путь; мы вошли в новый подвал, в бременский розовый садик. Там лежала она, наша старая Роза, большая, огромная, внушительная и высокомерная с виду. Какая огромная бочка, и каждый бокал стоит золота. Год рождения 1615–й! О, благородная лоза, скажи, где руки, что сажали тебя, где глаза, что радовались твоему цветению, где все те веселые люди, что встречали ликованием твои богатые грозди, когда их срезали на прирейнских холмах, когда давили ягоды, освобождая их от выжимок, и в чаны золотой струей стекал сок? Эти люди исчезли, как волны многоводной реки, омывавшей твой родной виноградник. Где они, где старые господа ганзейцы, почтенные сенаторы, отцы этого старого города, те, что сорвали тебя, благоуханная роза, и пересадили под здешние прохладные своды на радость внукам? Ступайте на Анстариевское кладбище, подымитесь к церкви Божьей матери и возьмите вино на их могилы! Они ушли, и вместе с ними ушло два столетия!

Итак, за ваше здоровье, почтенные господа анно 1615, и за здоровье ваших достойных внуков, столь гостеприимно протянувших руку мне, чужому в их городе, и угостивших меня здешним бальзамом.

– Так, а теперь спокойной ночи, фрау Роза, – уже приветливее прибавил старик слугитель, укладывая штофики в корзиночку, – спокойной ночи и счастливо оставаться. Сюда, сюда, нет, не за угол, на выход из погреба сюда, уважаемый. Не наткнитесь на бочки, идемте, я посвечу.

– Ни в коем случае, – возразил я, – теперь только начнется настоящая жизнь. Пока было лишь предвкушение. Принеси мне туда, в большую залу, коллекционного вина урожая двадцать второго года, так, две–три бутылки. Я видел, как это вино зеленело, при мне его давили. Я уже отдал дань восхищения старым годам, теперь надо воздать должное и моему времени.

Бедняга застыл, выпучив глаза, и, казалось, не верил своим ушам.

– Сударь, грех так шутить, – торжественно произнес он наконец. – Сегодняшней ночью я не останусь здесь ни за какие блага, не останусь, и все тут.

– А кто говорит тебе оставаться? Подай вино, и с богом. Я хочу справить сегодня ночь воспоминаний и облюбывал для этого дела твой погребок, ты мне не нужен.

– Но я не имею права оставить вас одного, – возразил он. – Я, конечно, понимаю, что вы, не во гнев вашей милости будь сказано, погребок не обворуете, но это не разрешается.

– Ну, в таком случае запри меня тут, в помещении, повесь на дверь тяжеленный замок, чтоб я не мог выбраться, а в шесть утра разбуди и получи причитающиеся с меня деньги.

Старик попытался было возражать, но напрасно, в конце концов он поставил на стол три бутылки вина и девять свечей, вытер зеленый бокал, налил мне коллекционного вина двадцать второго года и пожелал, по всему видно, с тяжелым сердцем, спокойной ночи. Он действительно запер дверь на два поворота ключа и повесил еще замок, мне подумалось, скорее из заботливого опасения за меня, чем из пристрастия к своему погребу. Как раз пробило половину двенадцатого. Я слышал, как он сотворил молитву и поспешил уйти. Шаги его доносились все глуше и глуше, но, когда он запер наружную дверь, под сводами в переходах и залах грянуло точно из пушки.

Итак, наконец мы с тобой наедине, о душа, глубоко внизу, под землей. Наверху, на земле, люди спят, им снятся сны, а здесь вокруг меня тоже спят в своих гробах духи вина. О чем грезится им? Может быть, об их быстротечном детстве, может быть, они вспоминают о далеких горах, где они родились, где выросли, о многоводном старике отце, о Рейне, каждую ночь ласково напевавшем им колыбельную песню?

Вспоминаете ли вы солнце – нежную мать, поцелуем пробудившую вас ото сна, когда в ясную весеннюю пору вы впервые открыли глазки и взглянули вниз на чудесную рейнскую землю? Вспоминаете ли вы еще, как май пришел в свой немецкий парадиз и мать одела вас зелеными платьицами – листвою, а старик отец этому очень радовался, поглядывал вверх из своего зеленого ложа, кивал нам и весело журчал у камня Лорелеи?

А ты, душа, вспоминаешь ли и ты розовые дни юности? Мягкие холмы своей родины, покрытые виноградниками, синие воды могучей реки, цветущие долины Швабии? О, упоительная пора сладких грез! Как радовали тебя книги с картинками, рождественские елки, материнская любовь, пасхальные недели и пасхальные яйца, цветы, птицы, оловянные и бумажные солдатики, и первые штанишки и курточки, в которые одели твою маленькую брентную оболочку, гордую своим ростом. Вспоминаешь ли ты, как покойный отец качал тебя на ноге, а дедушка всегда позволял покататься верхом на его трости с золотым набалдашником?

А теперь, со следующим бокалом, шагнем, душа, на несколько лет вперед. Вспомним то утро, когда меня привели в спальню к хорошо нам знакомому человеку, лицо которого стало таким бледным, и я, сам не понимая почему, поцеловал его руку. Ведь не мог же я подумать, что злые люди, которые положили его в шкаф и накрыли черными покрывалами, не мог же я подумать, что они не принесут его обратно? Успокойся, он тоже заснул только на время. А вспоминается ли нам таинственная, полная радости жизнь в дедушкиной библиотеке? Ах, в ту пору мне была знакома только одна книга – мой заклятый враг: противный учебник Брёдера. Я не знал, что дедушкины фолианты переплетены в кожу не только для того, чтобы было удобно строить из них дома и сараи для меня и моего стада!

Вспоминается ли мне еще, как я расправился с немецкой литературой меньшего формата? Ведь я запустил в голову моему брату Лессинга, правда, в ответ он пребольно отлупил меня «Путешествием Софии из Мемеля в Саксонию». В ту пору я, конечно, не думал, что впоследствии сам буду сочинять книги!

И ты, старый замок, ты тоже возникаешь из тумана минувших лет! Как часто твои полуразрушенные ходы, подземелье, крепостная башня, темницы служили нам, детворе, местом шумных игр! В солдат и разбойников, в кочевников и караваны! Как часто я с [Назал](#) << [1](#) [2](#) [3](#) [4](#) [5](#) [6](#) [7](#) [8](#) [9](#) [10](#) ... [14](#) >> [Дальше](#)